

Вероника Вестергорд
Мексиканская зима

Вероника Вестергорд
Мексиканская Зима

«Автор»

2026

Вестергорд В.

Мексиканская Зима / В. Вестергорд — «Автор», 2026

Свадьба – прекрасный и, казалось бы, закономерный финал любой сказки, но в жизни после неё и начинается самое интересное. Эта история – тому подтверждение. Молодой матадор Хосе Гонсалес Торрес получает приглашение провести зимний сезон в Мексике, а его жена, Лаура Гарсия Лопес, отправляется вслед за ним за океан. В стране, где песни мариачи не замолкают ни днём, ни ночью, и даже день памяти усопших наполнен яркими красками и радостью жизни, их ждёт противостояние с тем, для кого и искусство корриды, и человеческая жизнь - лишь разменная монета в опасной игре. "Мексиканская Зима" - продолжение истории "Пламени и Лавра", где мой любезный читатель станет свидетелем битвы корысти и чести, холодного расчёта и любви — и увидит, как тянется дальше красная нить судьбы.

© Вестергорд В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	15
Глава третья,	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вероника Вестергорд

Мексиканская Зима

Глава первая,

в которой повествуется о том, как матадор Хосе Гонсалес Торрес вынужден покинуть Валенсию и отправиться за океан

Осмелюсь предположить, мой любезный читатель, что, расставаясь в финале рассказа о бракосочетании матадора Хосе Гонсалеса Торреса и доньи Лауры Гарсии Лопес, мы с вами уже знали: их история на этом не закончится. И если, разумеется, память не играет с автором злую шутку, вам уже известно, что свадебные колокола вскоре зазвонили вновь – на этот раз в честь союза сеньориты Луизы и дона Алехандро. Однако, с вашего позволения, мы вернемся в ту счастливую весну, когда состоялось первое торжество.

Ритм валенсийской хоты сменился бравурным тактом пасадобля, возвещавшим выход бесстрашных тореро. Этот сезон коррид был особенным для Хосе – он знал, что из почётной логи на него смотрят его супруга и маленькие Санчито с Карлосом, чьи радостные возгласы “¡Pará! ¡Pará!” значили для него несравненно больше, чем все овации и крики ¡Olé! вместе взятые. Перед каждым боем, после молитвы, матадор неизменно сжимал в ладони белый платок доньи Лауры – драгоценный талисман, с которым он не расставался ни на день. Потом целовал его и выходил на арену – и лёгкий шаг его был полон спокойной силы и отваги.

Новая жизнь вскоре обрела чёткие контуры, и новоиспечённые супруги ждали каждый новый день с безмятежным умиротворением, не желая ни перемен, ни новостей. Однако, жизнь распорядилась иначе. Одним ранним утро в дверь постучал почтальон:

– Сеньор Гонсалес, это для вас!

Изображение на штемпеле было не вполне разборчивым, ведь письмо проделало невероятно долгий путь через океан. Но всё же на нём можно было различить грозную хищную птицу, что сидела на некоем экзотическом растении и держала в клюве змею. Под этой сценой значилось: “Мексика”.

– Это беркут, – любезно пояснил почтальон, – он сидит на кактусе и терзает змею. Как в мексиканской легенде...

Хосе поблагодарил его и вернулся в дом, где его ждали супруга и сыновья. Донья Лаура разливала горячий кофе, Санчито медленно жевал хлеб и с восторженным интересом читал об удивительных приключениях Робинзона Крузо, жадно впитывая каждое слово. Эту книгу подарил ему на именины дядя Рикардо. А Карлос, как обычно, клевал носом, не упуская, в свою очередь, ни одной минуты, чтобы поспать ещё немного. Матадор, опустившись на своё место во главе стола, быстро распечатал конверт и прочитал:

“Дирекция имеет честь пригласить сеньора Хосе Гонсалеса Торреса принять участие в зимнем сезоне 1947-48 гг. Первая коррида состоится 9 ноября на Plaza de Toros M é xico при участии самых блистательных тореро из Мексики и Испании.

Просим подтвердить участие до 30 августа.

*С уважением,
Дон Негиб Симон,
Представитель дирекции и главный учредитель коррид”*

Донья Лаура мягко положила ладони на плечи мужа, поражённого такой вестью. Молодого тореро ошеломило не столько её содержание – после его выступлений за пределами Валенсии новые приглашения казались закономерным продолжением карьеры, – сколько расстояние до места предстоящих гастролей и тот факт, что письмо пришло спустя всего несколько месяцев после его собственной свадьбы.

Карлос тем временем проснулся и внимательно взглянул на родителей:

– Mamá, papá, что это? – спросил он, не в силах сдержать любопытство.

– Это письмо из Мексики, hijo¹, – ответил Хосе, – они предлагают провести у них весь зимний сезон.

– Мексика? – Санчито встрепенулся, – мы отправимся в Мексику? На корабле, как Робинзон Крузо?

Донья Лаура заглянула через плечо мужа, перечитала письмо и с тихой серьёзностью посмотрела на сына:

– Нет, дорогой мой, приглашают только papá... А мы останемся дома.

Санчито не смог скрыть разочарования: в последнее время благодаря дяде Рикардо мальчик денно и нощно грезил морскими путешествиями. Карлос с лёгким испугом взглянул на отца – единственным, что он точно знал о Мексике, было то, что она находится очень-очень далеко. А донья Лаура только крепче обняла мужа за плечи. Она понимала, что подобное приглашение – исключительная честь и невероятная возможность показать своё мастерство. Однако, мысль о столь долгой разлуке тревожила её сердце. В этот миг душу матадора берегло то же смятение, и он лишь накрыл ладонь жены своей.

– Конечно же, отправляйся, muchacho! – воскликнул дон Мигель, когда Хосе поделился с ним новостью.

– Точно! – вторил ему агент Хосе, Пако, – такой шанс нельзя упускать. Арена в Мехико открылась только в прошлом году. Она поистине грандиозна, на трибунах может поместиться больше пятидесяти тысяч зрителей!

Хосе только кивнул, глубоко вздохнув и опустив взгляд. Дон Мигель, заметив это, добавил:

– Понимаю... Тебя приглашают одного, без квадрильи.

¹ исп. сын

И это уже немало, – подхватил Пако, – они уже оценили твоё мастерство, но пока не готовы везти через океан всю команду.

Сí... – кивнул дон Мигель, – и, конечно же, ты будешь скучать по жене, по детям, но таков удел тореро, который научился не только исполнять пассы, но и посвящать бою всего себя.

А после семейного ужина, на который были приглашены и сестра доньи Лауры, Луиза, и её жених дон Алехандро, архитектор обратился к матадору:

– Дон Хосе, послушайте меня... Вы расплатились за дом ещё до свадьбы, и это выдающееся достижение. Однако, его содержание, да и семейная жизнь в целом требует средств. А на испанских аренах зимой тихо...

– Понимаю... – ответил Хосе, – к тому же Эстебан скоро закончит среднюю школу и будет учиться на инженера, я обещал помочь ему...

Вскоре Хосе навелstil его агент, и матадор с тяжёлым сердцем проследовал с ним в кабинет, где они проверили все документы и составили ответ с согласием выступать на протяжении всего зимнего сезона. Только теперь, в этот непростой момент тореро осознал, как полезно иметь собственный кабинет для такого рода дел: ответственных и тягостных. И только дядюшке Рикардо, который стал гораздо чаще навещать свою семью в Валенсии, видимо, боясь пропустить свадьбу Луизы, удалось ободрить растерянного Хосе.

– У меня в конце ноября намечается рейс в Мехико! – сообщил он, широко улыбаясь, – тебе самому, конечно, нужно плыть гораздо раньше, чтобы успеть к началу сезона, а вот Лауру я смогу к тебе привезти. Вот и повидаетесь, в декабре в Мексике как раз будет большой праздник в честь Девы Марии Гваделупской! Так что не горюй, тореро, я доставлю тебе твою ненаглядную – слово моряка!

Вскоре началась подготовка к отъезду. Донья Лаура оставила детей в доме матери, а сама вместе с мужем отправилась в Мадрид, чтобы оформить необходимые для въезда в Мексику документы. Они оба были в столице лишь единожды: матадор – в мае, когда подтверждал альтернативу. Событие, столь важное и грандиозное для любого тореро, было омрачено смертью сеньора Санчо Пансы, жизнь которого оборвалась в марте того же года.

Лаура была в Мадриде восемь лет назад, но воспоминание по-прежнему оставалось болезненно острым. Тогда ей не исполнилось и девятнадцати. Она помнила, как шла по перрону, у которого ждал отправления поезд до Мадрида. В тот день ей казалось, что его колеса стучат тише обычного – словно их сковывал тот же страх, что сжимал сердца валенсийцев, чей город недавно взяли победоносные войска генерала Франко. Пальцы сеньориты Гарсия Лопес судорожно сжимали папку с бумагами – всеми, что удалось собрать, всеми, что могли спасти её возлюбленного Санчо, который был под арестом и дожидался суда. Та поездка стала для неё воплощением ужаса – не мгновенной вспышки, а медленного, удушающего кошмара, который потом сменился величайшим счастьем и безудержными слезами облегчения. Санчо получил амнистию.

Теперь же поезд, бойко стуча колесами, мчался вперёд, неумолимо приближаясь к столице. И несмотря на то, что оба уже бывали в Мадриде, они не вполне узнавали город.

Почти всё время в долгой, утомительной дороге Хосе провёл, в очередной раз перечитывая все бумаги, которые были приложены к приглашению в Мексику. Среди них были и про-

грамма сезона с расписанием коррид, официальных церемоний и особенных торжеств, план арены, контракт и даже путеводитель, который сочла любопытным и его жена. И теперь, когда матадор шёл по незнакомому городу, он почти не видел величественных фасадов, не слышал тихого звона трамваев, журчания воды в маленьких фонтанах и шелеста кипарисов в городских скверах. Его мысли витали далеко за океаном, в яркой и шумной мексиканской столице, которая в тот же самый момент, когда над Испанией безжалостно палило летнее солнце, если путеводитель не лгал, утопала в дождях.

Наконец матадор и его супруга достигли мексиканского посольства, где им предстояло провести утомительные часы ожидания. Очередь казалась обоим бесконечной несмотря на то, что посетителей было относительно немного, ведь дело каждого проверялось без лишней суетливости, с неспешной основательностью и скрупулёзностью.

Однако, время ожидания скрасила неожиданная встреча – в той же очереди оказался совсем ещё юный тореро, новильеро из Кастилии по имени Хосе Лаурентино Родригес, или Хоселильо[2] – так его называли товарищи по корриде, чтобы не путать с многочисленными тёзками. Молодой человек, на вид ровесник Эстебана, с жаром и некоторым смятением рассказывал о том, что в этом году на арене в Мехико проводят сезон новильяд, куда его пригласили выступать. А матадор улыбался, видя, что с этим новильеро его объединяют не только имя, но и общее волнение путешественников, которым предстояла столь дальняя дорога.

Наконец документы были поданы, и над Мадридом уже начал спускаться вечер. Когда супруги сворачивали на главный городской проспект, Gran Vía, донья Лаура вдруг кивнула в сторону двух ярких афиш, которые пестрели в лучах неоновом света вывески кинотеатра “Cine Callao” и словно соревновались друг с другом в яркости красок. Оба, однако, возвещали выход одного и того же фильма: “El traje de luces”³.

³ исп. костюм огней, традиционный костюм тореро, а также название испанского фильма, вышедшего 19 мая 1947 г.

Матадор усмехнулся, кивнул жене и оба зашли внутрь. Несмотря на то, что они прекрасно понимали, какую историю они увидят, некоторые повороты оказались неожиданными – особенно для Хосе, который смотрел фильм со смесью смятения, праведного гнева и стыда за своего экранного “коллегу”. Главный герой, молодой тореро Рафаэль, поехал выступать в Мексику – в этом валенсийский матадор узнал себя, но искренне надеялся, что сходства на этом закончатся. Ведь Рафаэль остался в Мексике, променяв возлюбленную, что носила под сердцем его дитя, на блестящую карьеру в новой стране и женился на мексиканке. И только под конец он вернулся в родную Испанию – слишком поздно.

– Хосе... – тихо промолвила Лаура, видя настроение мужа, – это всего лишь кино. Ни один фильм никогда не обходится без непоправимой драмы.

– Этот Рафаэль, – стиснув кулаки, выпалил матадор, – не тореро, а жалкий паяц! Он думал, что коррида – спектакль, а не бой, и играл теми, кто его любил!

– Он был слаб и легко стал жертвой соблазна, – мягко заметила донья.

– Жертвой! – вспыхнул Хосе, – когда он выходил на арену с этой своей мерзкой, самодовольной улыбкой, и у алтаря, когда клялся в верности другой женщине, он явно не чувствовал себя жертвой!

– Да, – кивнула Лаура, – к тому же, истинной жертвой был не главный герой, а его сын. Он погиб в конце, и лишь тогда Рафаэль осознал, что натворил...

– Ты права, *mi amor*... – выдохнул её супруг, слегка успокоившись, – я об этом не подумал.

– *Mi querido*⁴, – ответила она, – Рафаэль – это всего лишь роль. А тебе не нужно ничего играть. Просто будь собой, настоящим... По правде говоря, – она засмеялась, – тореро Хосе мне нравится гораздо больше, чем Рафаэль!

Хосе улыбнулся, порывисто прижимая к губам руки Лауры, и долго не отпускал – словно пытаясь сохранить её тепло – на все месяцы предстоящей разлуки.

Почтальон прибыл в особняк дона Гонсалеса с разрешениями на въезд в Мексику три недели спустя. И вдруг до отправления, назначенного на середину октября, осталось всего два месяца, и они, словно насмехаясь над молодым тореро, пролетели невероятно быстро. В последний вечер в Валенсии в гости к Хосе пришли его родители и младший брат Эстебан.

– Хоселито!

Голос Эстебана звучал особенно весело и энергично на фоне общей подавленности и напряжения, которое все собравшиеся старательно скрывали, как только могли.

– Я не могу отпустить тебя в Мексику, пока ты не научишься петь как мариачи! – бодро продолжил он, – представь, ты выходишь на арену и...

Эстебан вскочил и, раскинув руки, закричал во весь голос:

– ¡Ау-ау-ау! – юноша вскинул голову и звонко рассмеялся, – это будет незабываемое зрелище!

– Ты что творишь, *hijo*, – произнесла сеньора Хуанита Торрес Альварес, которая сидела рядом со старшим сыном, то касаясь его плеча, то проводя рукой по волосам, – хочешь, чтобы твой брат в Мексике слился с местными, и его не выпустили обратно?

– Наоборот, *tatá*, – с шутливым разочарованием произнёс он, – вечно приходится всё объяснять. ты что, своего сына не знаешь? Если Хоселито так споёт, они, пожалуй, ещё и заплатят, чтобы мы его обратно забрали!

– Да, *rará*, обязательно так сделай, и ты вернешься к нам! – маленький Карлос, казалось, хватался за каждую возможность приблизить возвращение отца.

⁴ исп. мой дорогой

Хосе улыбнулся и молча посадил малыша к себе на колени, а Карлос прижался к его груди, успокаиваясь в объятиях. В тот вечер в особняке матадора Хосе Гонсалеса Торреса долго не гас свет, и в гостиной мягко звучали голоса, тихий смех и едва слышное сопение детей, безмятежно уснувших, прильнув к рарá.

– Утром тореро в последний раз проверил документы и билеты и как можно бесшумнее проследовал в прихожую, где уже стояли тяжелые чемоданы. По пути он остановился у комнаты, где спали Санчито и Карлос, и, не решаясь зайти, боясь разбудить, перекрестил их. Потом взглянул в глаза супруги. Донья Лаура улыбалась, несмотря на неумолимо приближающийся миг расставания:

– Береги себя, *mi corazón*⁵, – сказала она, – мы все будем молиться за тебя каждый день, и каждый день будет приближать миг, когда мы снова встретимся.

– И ты, *mi amor*, – Хосе нежно провёл ладонью по щеке жены, – и поцелуй от меня мальчиков, скажи, рарá скучает и привезёт из Мексики подарков. Большой кактус, быть может, не удастся провезти, но попробую маленький.

– Так и передам, – тихо рассмеялась Лаура.

Наконец, к особняку подъехало такси. Водитель помог загрузить чемоданы в багажник, и матадор Хосе Гонсалес Торрес, в последний раз поцеловав супругу, сел в салон. Только когда машина скрылась за углом, в глазах доньи Лауры заблестели слезы. И тогда она обратила взор к бескрайнему утреннему небу и прошептала слова знакомой молитвы, что ознаменовала первый день их долгой разлуки и начала отсчёт до новой встречи.

Так, мой любезный читатель, и началось первое путешествие матадора Хосе Гонсалеса Торреса за океан. Пусть он отправился в путь в одиночестве, он чувствовал, что его любимая всё равно остаётся рядом – в каждой его мысли, каждом вздохе, каждом ударе сердца, что сжималось от горькой тоски и всепоглощающей любви. А о том, как тореро впервые ступил на новый берег, будет рассказано в следующей главе.

⁵ – исп. Доброе утро!

Глава вторая,

в которой повествуется о странствиях матадора Хосе Гонсалеса Торреса и его прибытии в Мексику

Когда судно постепенно выходит в открытое море и не только порт, но сама кромка берега и даже чайки скрываются из виду, кажется, что больше не существует ни земли, ни времени – лишь несмолкающий, мерный гул парохода и солёный ветер. Всё вокруг находится в постоянном движении, но перед глазами только вода, бесконечная ультрамариновая гладь и белые барашки волн. В этой бескрайней синеве человек, потеряв твёрдую почву под ногами, вдруг становится до невозможности мал, ведь морю, мой любезный читатель, нет никакого дела ни до земных порядков, ни до того, что странники оставили там, на далёком берегу.

“Моя Лау...” – в очередной раз попытался вывести Хосе, но корабль снова резко качнулся, и перьевая ручка опять соскользнула в сторону, оставляя за собой тонкий, неровный росчерк чернил, словно сама непокорная стихия вмешивалась в его тихое признание. Одним жарким августовским днём дядя Рикардо поведал ему, что море уважает сильных, но совсем не жалуется строптивых. Но сейчас, сидя в каюте за маленьким письменным столиком, молодой тореро не вспоминал этот мудрый совет и со всем упрямством, на которое был способен, прижал лист бумаги рукой и дописал: “...ра”.

Строки выходили неровными, словно повторяли движения волн, но Хосе неустанно писал обо всём, что видел на корабле: о том, как гудят машины в отделении глубоко под ватерлинией, как под их непрерывный гул дрожит всё судно, которое только с берега кажется огромным, а в море – совсем крошечным. О том, как солёный воздух смешивается с запахом дыма, поднимающегося из высоких труб. Потом благодарил Санчито за то, что дал ему в дорогу «Робинзона Крузо», и искренне жалел несчастного англичанина, но заверил, что на его месте сразу построил бы что угодно, хоть самый простой плот и отправился домой – несмотря на шторма и акул. Спрашивал, как поживает маленький Карлос. Записывал каждую мелочь, ведь только так он мог говорить с возлюбленной, что ждала его в родной Валенсии.

Вечером Хосе вышел на палубу, продуваемую, казалось бы, всеми ветрами сразу. Как моряки различали их, он мог лишь догадываться. Если бы вы, мой любезный читатель, следовали тем же рейсом, то сразу бы различили среди прочих пассажиров матадора Хосе Гонсалеса Торреса, даже не зная его в лицо. В отличие от других путешественников, которые горбились, пытаясь удержать равновесие, тореро держался прямо, несмотря на усиливающуюся к ночи качку. Хосе вскинул голову, подставляя лицо навстречу солёному ветру. А пароход тем временем продолжал свой путь – под гулкий шум из машинного отделения, разговоры пассажиров, утомлённых нескончаемым движением под ногами, и веселое звучание аккордеона, что, казалось, подбадривал их, говоря: “Скоро земля!”

На третий день плавания судно достигло Канарских островов. Тогда Хосе понял, как чудовищно недооценивал такую простую радость, как твёрдая почва под ногами. Усталость от долгой дороги словно растворилась, и он ощутил невероятный, будоражащий всё существо прилив сил. Молодой тореро бодро шёл вперед, покидая порт, наслаждаясь каждым шагом, как

никогда раньше. Чуть вдалеке от берега, где воздух дрожал от гудков пароходов и буксиров, лязга якорных цепей и гвалта голосов, было необыкновенно тихо. Остров был обитаем, но в этой странной тишине, которую нарушали только ветер и крики чаек, Хосе отчего-то почувствовал себя Робинзоном Крузо. Об этом он поспешил сообщить в письме домой, которое он дописал, вернувшись в порт и устроившись с чашкой кофе за столиком на террасе небольшого кафе.

Через неделю почтальон вручил донье Лауре толстый конверт. Долгожданное письмо от Хосе было длинным, и его рассказ о путешествии на пароходе и впечатления от Канарских островов растягивался на десять страниц, и некоторые листы были исписаны с двух сторон. “Робинзон Гонсалес Торрес” – с нежностью прошептала донья Лаура. К вечеру собралась вся семья: сама донья расположилась в кресле в гостиной, Санчито с Карлосом устроились на подлокотниках каждый со своей стороны от мамы, за спинкой кресла стоял Эстебан, а на диванах у кофейного столика сидели сеньора Летисия, Луиза с доном Алехандро и сеньора Хуанита с доном Рамоном.

Здесь, мой любезный читатель, стоит заметить, что отношения между двумя семьями, особенно между сеньорой Летисией и сеньорой Хуанитой, далеко не всегда были гладкими, но в тот вечер размолвки были забыты – письмо Хосе объединило всех собравшихся. Первые страницы письма, которые тореро писал на корабле, родственники не читали, а буквально расшифровывали – с весёлым смехом и комментариями.

– А говорят, у меня нечитаемый почерк! – воскликнул Эстебан, вглядываясь в неровные, напоминающие морские волны строчки.

А под конец письма все затихли и, затаив дыхание, внимали мягкому голосу доньи Лауры, что читала рассказ Хосе о необычайной тишине Канарских островов:

– Я даже представить себе не мог, что в месте, населенном людьми, может быть так пустынно. Оказавшись на Гран-Канария, я понял, что чувствовал несчастный Робинзон Крузо на своем необитаемом острове. Хотя нет, я понял его гораздо раньше – в тот самый момент, когда покинул дом, когда корабль отчалил из Валенсии. Без тебя, *mi amor*, без вас, мои маленькие Санчито и Карлос, без родителей и Эстебана я самый настоящий Робинзон – одинокий и безутешный. Я счастлив лишь, когда вижу вас во сне, а ещё – пока пишу это письмо. И посему, завершив его, сразу же приступлю к следующему. Милая Лаура, я люблю тебя, люблю и безумно скучаю. По тебе, по всем вам. Я жду прибытия в Мексику лишь по одной причине – ведь надеюсь, что там получу письма из дома. И начну считать дни – зачёркнуто – часы – снова перечёркнуто – минуты до нашей новой встречи. С любовью, навеки твой Хосе.

Следующее письмо от Хосе пришло уже с Кубы, где пароход делал вторую остановку:

“Моя дорогая Лаура,

*Когда моё письмо достигнет Валенсии, ты, наверняка, будешь занята сборами в дорогу, ведь скоро тебе предстоит плавание в Мексику, где мы наконец встретимся вновь. Денно и ночью я мечтаю об этом миге, когда снова увижу тебя, *mi corazón*, когда опять смогу держать тебя в объятиях... То будет мне лучшей наградой за все корриды. Я рад, что тебя будет сопровождать твой дядя Рикардо – с ним на корабле тебе будет гораздо веселее, передавай ему привет от меня. А ещё передай Санчито, что я дочитал “Робинзона Крузо” и он может*

*выбрать для меня новую книгу – в этом я ему полностью доверяю. И расскажи Карлосу, что на Кубе водятся лягушки, которые могут поместиться на кончике большого пальца – такие они крохотные, а еще птицы колибри, и некоторые из них совсем немногим больше пчелы... Сама Куба, *mi amor*, напоминает мне лоскутное одеяло – она пестрит всеми возможными цветами, и из каждого окна раздается музыка. Один из моих попутчиков, однако, сказал мне, что в этом отношении Кубе далеко до Мехико, который не замолкает ни на минуту. Так что, любовь моя, наслаждайся тишиной, пока это возможно...*”

Пока донья Лаура читала, а потом перечитывала письмо мужа, корабль Хосе уже приближался к мексиканскому побережью. Пограничный контроль в Веракрусе был долгим и изнурительным, и тореро почувствовал невероятное облегчение, наконец покинув порт и обнаружив мальчишку, который держал в руках табличку: «Хосе Гонсалес Торрес. Валенсия». Дальше матадора предстояло десять часов в автомобиле, что должен был довезти его по извилистой горной трассе напрямик в столицу, Мехико.

– Вы прибыли в Мексику как раз вовремя, сеньор *torerito*⁶, – говорил шофёр, и Хосе передернуло от столь фамильярного обращения, которое, как оказалось, не было задумано, как оскорбление, а всего лишь являлось естественной особенностью местной речи, – сегодня мы отмечаем *Día de los Muertos* – День Мёртвых, пожалуй, наш самый главный, самый весёлый праздник!

– Праздник? Весёлый? – матадор не смог скрыть удивления.

– Конечно, весёлый! – отозвался водитель, – а вы что думали, усопшие возвращаются в мир живых, чтобы поглядеть на кислые физиономии своих родных? Нет, *torerito*, им гораздо приятнее видеть их радость, а не слёзы!

Шофёр увеличил громкость радио, и голос из приемника запел с удвоенной силой:

– ¡Ay-ay-ay! ¡Canta y no llores!⁷

Несмотря на слова песни и её жизнерадостную мелодию, Хосе не хотелось ни петь, ни веселиться. Матадор опустил голову и уснул, словно это был не задорный мотив мариачи, а колыбельная. Проснулся он только, когда автомобиль въехал в город, утопающий в лепестках оранжевых бархатцев. Группы мариачи играли с невероятным пылом, словно соревнуясь друг с другом, люди в пёстрых одеждах и с разукрашенными лицами смеялись, пели, танцевали. Несмотря на сгущающиеся сумерки, на улицах, освещённых многочисленными гирляндами, лампадами и свечами на семейных алтарях было светло, как днём. Да, мой любезный читатель, *Día de los Muertos* – это день памяти о мёртвых, но это вовсе не мешает мексиканцам радоваться жизни и замечать тех, кто ещё жив. Особенно, если это абсолютно живой молодой тореро из Испании.

– ¡Mira! – прошептала одна из официанток в ресторане при отеле, где остановился Хосе, своей подруге, – ¡qué guapo!⁸

⁶ – исп. маленький тореро. Уменьшительно-ласкательные суффиксы являются неотъемлемой частью мексиканского варианта испанского, в чём мой любезный читатель, наравне с героями, убедится в дальнейшем повествовании.

⁷ исп. Пой и не плачь. Строчка из мексиканской песни *Cielito lindo*, дословно маленькое милое небо, что в свою очередь является ласковым обращением к любимой

⁸ исп. Смотри! Какой красавчик!

Здесь автор вынужден использовать слово “прошептать” за неимением лучшего определения. Однако, прошу любезного читателя не воспринимать его буквально, ведь этот шёпот обладал совершенно иной природой. Он был подчёркнуто тихим и мягким, но вместе с тем отчётливым, и тот, о ком переговаривались сеньориты, всё прекрасно услышал – и перелистнул страницу меню, делая вид, что их слова не имели к нему никакого отношения.

– Дон Хосе! – вдруг раздался знакомый голос.

Тореро поднял глаза. Перед ним стоял молодой новильеро, которого они с Лаурой встретили в мексиканском посольстве. Юноша был заметно рад встрече, но слегка смущался.

– Хоселильо! – улыбнулся матадор, – Какая встреча! Давно приехал?

– Вчера, – ответил новильеро, – я плыл на корабле из Барселоны.

– Вот оно что... Значит ты уже почти местный. Скажи мне, вчера здесь было тише, чем сегодня?

– Если честно, разница совсем невелика.

Оба тореро засмеялись, и старший благодушно указал рукой на свободный стул, приглашая новильеро сесть. И ровно в тот же момент, когда Хоселильо занял своё место, девушки-официантки начали перешептываться с ещё более явным оживлением. Одна из них, самая проворная, легко поставила на поднос блюдо с кукурузными лепешками и маленькую миску с сальсой и подошла к столику тореро.

– Сегодня *salsita* особенная, обжигаяще острая – озорно промолвила сеньорита, игриво растягивая слова.

Хосе легко кивнул в знак благодарности, а Хоселильо вспыхнул и опустил глаза. Однако, другие официантки вовсе не собирались уступать: вскоре к матадору и новильеро подошла вторая:

– *Calaveritas de azúcar* – в честь Дня Мёртвых, – сказала она, поставив перед ними целый поднос с сахарными фигурками в виде черепов, – подарок для особых гостей...

Сеньорита подмигнула и удалилась. Хоселильо отчаянно краснел, растянув губы в смущенной улыбке, а Хосе начал мысленно считать уменьшительно-ласкательные суффиксы, которыми изобиловала речь мексиканцев.

Вдруг к двум тореро подошёл сеньор лет сорока. Высокий, с мощными плечами, он производил впечатление человека, который привык распоряжаться всем вокруг. Его тёмные волосы блестели от бриолина, усы были аккуратно подкручены, а белый, явно дорогой костюм, сидел безупречно.

– Buenas noches⁹...

Он говорил любезно и учтиво, как подобало радушному хозяину, но его взгляд был тяжёлым, и валенсийский тореро, встретив его, невольно вспомнил о грозных быках, против которых ему предстояло выступать.

– Я уже имел честь общаться с вами, сеньор новильеро, а вы, – мужчина взглянул на Хосе, – должно быть, приехали сегодня?

– Sí, – ответил матадор, – Хосе Гонсалес Торрес, из Валенсии.

⁹ исп. Добрый вечер.

Пододошедший сеньор вдруг рассмеялся, хотя Хосе готов был поклясться, что не сказал ничего весёлого.

– В Испании всех тореро называют Хосе? Очень удобно, невозможно запутаться... Vale¹⁰, не обижайтесь, я пошутил. Луис Анхель Салазар, к вашим услугам. Я учредитель коррид в этом сезоне, так что по всем вопросам смело обращайтесь ко мне...

Сеньор Салазар сел за столик к тореро, даже не спрашивая разрешения. Потом расслабленно откинулся на спинку стула и поставил на колени портфель из крокодиловой кожи. Он держался спокойно, почти вальяжно – и при этом сжимал ручку портфеля так крепко, что костяшки побелели. Внимательный собеседник заметил бы это странное несоответствие, но молодые тореро не могли в тот вечер обращать внимание на такие детали. Дон Луис Анхель бросил ироничный взгляд на поднос с сахарными черепами.

– Вы, как я вижу, начали сразу с десерта... Еще и с сальсой. Интересный выбор, ничего не скажешь. Позвольте помочь вам, – сеньор жестом подозвал официантку, – Хулия, *carñita*¹¹, принеси нам бутылку игристого, Casa Madero. Пусть наши дорогие испанские гости узнают, что в Мексике умеют делать не только текилу. Право слово, текила, это почти вульгарно...

“Опять...” – пронеслось в голове у Хосе, когда он услышал очередное ласковое обращение. Впрочем, после того, как им подали сахарные черепа, бесконечные *-ito* в мексиканской речи почти перестали его удивлять. Даже такую мрачную тему, как смерть, они умудрились приправить сахаром.

Однако, мой любезный читатель, как вы, наверняка, прекрасно понимаете, Мексика способна удивлять не только буйством красок, вольными нравами и языковыми курьёзами. Подтверждение этому вы найдёте в следующей главе.

¹⁰ исп. Ладно, хорошо

¹¹ исп. дорогуша

Глава третья,

в которой рассказывается о красной нити судьбы, что никогда не рвётся

На следующий день Хосе и Хоселильо впервые увидели Plaza de Toros México. Она была действительно огромна – и оба долго стояли в самом центре арены, затаив дыхание и не в силах вымолвить ни слова. Потом начались приготовления к первым корридам. Позже, когда начались тренировки, каждый работал со своей квадрилей, но юный Хоселильо часто наблюдал за тренировками Хосе – и наоборот. Новильеро не скрывал восхищения мастерством матадора, а тот, заметив способности юноши, с уважением отмечал его талант. Дон Луис Анхель Салазар непременно присутствовал на каждой тренировке, внимательно наблюдая за успехами тореро – особенно приезжих. И вот, когда Хосе и Хоселильо в перерыве сидели на скамейке в тени свода арены и беседовали, он подошёл к ним, услышав обрывок их разговора:

– Это, – говорил матадор, показывая новильеро небольшую фотографию, – моя жена, Лаура.

– Красивая! – не удержал Хоселильо восхищенного вздоха, – наверное, вы сильно по ней скучаете, дон Хосе?

– ¡Claro que sí!¹² – ответил он, – но она приедет навестить меня в конце ноября.

– Здорово, – протянул новильеро, – а ко мне в декабре из Леона приедет мамá, должна успеть к Празднику Девы Марии Гваделупской!

Сеньор Салазар подошёл ближе, и оба тореро подняли глаза, а Хосе аккуратно положил фотографию жены обратно в бумажник.

– Очаровательно, – промолвил учредитель коррид, несколько насмешливо оглядев компанию, – испанские тореро по имени Хосе, похоже, всегда держатся вместе, – а после обратился к матадору, – можно вас на пару слов?

Хосе кивнул и вместе с Луисом Анхелем Салазаром удалился вглубь сумрачного коридора Plaza de Toros México.

– Сеньор Гонсалес, – начал он негромко, почти доверительно – вечером после воскресной корриды собирается маленькое общество. Гости будут... примечательные. Художники, интеллектуалы, политики, наконец, меценаты, вроде меня самого, – сеньор Салазар слегка прищурился, пристально смотря в глаза матадора, – не присоединитесь ли вы к нам?

– Почту за честь, – ответил Хосе, невольно отмечая, как явно Луис Анхель Салазар подчеркнул свой собственный статус мецената.

Оказалось, общество, в которое был приглашен Хосе, собиралось в совершенно особенном месте. La Casa Azul, ставший знаменитым на весь мир дом с голубыми стенами, где жила сама Фрида Кало и её супруг, Диего Ривера. Когда дон Луис Анхель Салазар и матадор Хосе

¹² – исп. Доброе утро!

Гонсалес Торрес прибыли на вечер, хозяйка дома сидела, чуть откинувшись на спинку кресла, и смотрела куда-то перед собой, держа в руке дымящуюся сигарету.

В её волосы, убранные в затейливую причёску, были вплетены пышные живые цветы. Она носила яркую блузу цвета морской волны, украшенную розовой и зелёной вышивкой, которая сплеталась в причудливый растительный орнамент, и длинную, коралловую юбку с кружевным подолом. Плечи покрывала бордовая шаль. На столике перед её креслом стояла почти полная пепельница, пара маленьких рюмок, миска с дольками лайма и бутылка текилы – в свою очередь, полная всего наполовину.

Дон Луис Анхель подвёл Хосе прямо к ней, и художница обернулась к подошедшим – пронзительный, почти обжигающий взгляд её тёмных глаз равнодушно скользнул по сеньору Салазару, но задержался на молодом тореро. Губы Фриды изогнулись в лукавой улыбке, она слегка развернулась в кресле, вальяжно закинув ногу на ногу, и снова оглядела Хосе – внимательно, почти демонстративно дерзко. Сам матадор выглядел совершенно обескураженным и терялся в догадках, как ему следует себя вести, что говорить и куда смотреть, когда по нему, с головы до ног, скользил изучающий взгляд художницы.

– Луис Анхель, – благодушно, но несколько снисходительно обратилась Фрида, – сегодня я рада тебе куда больше обычного... В кои-то веки приходишь ко мне в дом с подарком, – она кивнула в сторону Хосе.

– Так и знал, что ты оценишь, Фрида, – ответил сеньор Салазар, как показалось тореро, непозволительно фамильярно, – сегодня я привёл к тебе испанского torerito.

– Хосе Гонсалес Торрес, – поспешил матадор представиться, больше не в силах терпеть подобный тон в разговоре с женщиной, – встреча с вами – честь для меня, сеньора Кало.

Хозяйка дома вдруг разразилась громким хохотом, а Хосе не выдержал и опустил взгляд, искренне не понимая, как ему удастся раз за разом смешить мексиканцев, говоря о том, что казалось ему совершенно естественным и понятным.

– ¡Qué lindo!¹³ – наконец вымолвила художница, немного успокоившись, – сеньоры, torerito, уже давно спят в своих кроватях, чтобы завтра на мессу не опоздать. А я Фрида! Понял меня?

Хосе кивнул и собрался было ответить, но Фрида прервала его, вновь перехватывая инициативу в разговоре.

– Чудно, – воскликнула она, – Молодец, torerito. Значит, вышел не только личиком, но и умом. Луис Анхель, amigo, налей-ка нам текилы. Будем топить наши печали – если эти ублюдки ещё не научились плавать... А ты, torerito, сядь сюда...

Фрида указала на кресло напротив себя, но только Хосе сел, она резко передумала, о чём тут же сообщила громким, резким голосом. Матадор не вздрогнул лишь благодаря выдержке тореро.

– Нет, не сюда, так плохо! Лучше здесь, – Фрида кивнула на кресло рядом с собственным, – тут лучше освещение, мне тебя будет лучше видно. Вот, другое дело! – художница слегка похлопала Хосе по щеке и снова рассмеялась, видя его смущение.

Текила была разлита по рюмкам и, не тратя время на произнесение длинных тостов, Фрида осушила свою, затем – сеньор Салазар. Оба перевели взгляд на Хосе, который даже не успел поднести рюмку к губам, так поразило его то хладнокровие, с которым женщина пила крепкий напиток. Однако, ждать и дальше казалось неприличным, и тореро, шумно выдохнув, выпил. Текила обжигала горло, и Хосе интуитивно потянулся к миске с лаймом – за неимением других закусок. Их блестящая, пористая цедра источала острый, пронзительно свежий аромат и чуть отдавала лёгкой горчинкой на языке. Обручальное кольцо блеснуло в мягком свете ламп. Фрида присвистнула:

¹³ – исп. Доброе утро!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.